

Поэту, издателю, культуртрегеру Андрею Новикову 12 февраля исполнилось бы 48 лет. Своими воспоминаниями о нем поделились Владимир Пимонов, Вячеслав Харченко, Дмитрий Макаров, Елена Сафронова, Илья Леленков, Александр Кабанов, Андрей Коровин.

«Не надо яблок!»

Владимир Пимонов

Зачем я обещал, что напишу об Андрее? Зачем все эти воспоминания, эссе? Чтобы окончательно превратить человека, живущего в памяти, в памятник? — в бронзовый, тяжелый, холодный памятник.

А ведь, может быть Новиков жив? Сидит себе на скамейке у «Маяковской», потягивая из баночки пиво. Или на Ярославском вокзале в толпе спешит куда-то, закуривая на ходу сигарету.

Изредка он приходит ко мне во сне, и мы разговариваем, разговариваем, разговариваем. О чем эти беседы? Конечно, о женщинах и стихах.

Во время таких визитов мы пьем коньяк «Старый Кенигсберг», закусываем «Вдохновением» — шоколадка такая.

Андрей в элегантном темном костюме, при галстукe — настоящий топ-менеджер крупной корпорации. Очки его весело поблескивают. Он улыбается и рассказывает, что живет сейчас в Сербии, что завязал с литературой, что стихи не пишутся, они остались в прошлой жизни.

Я согласно киваю головой, говорю: «Ну, и правильно. Давно пора». И, тем не менее, прошу почитать его что-нибудь из старенького. Он выпивает рюмочку. И декламирует мой любимый хит «Любовь к шампанскому». Читает наизусть — задорно и дерзко — как тогда на моем творческом вечере в Сергеевом Посаде.

Мой друг сказал:

— Не надо яблоч!

В них слишком много витаминов!

Налейте водки! Можно в шляпу,

Коль все испачканы стаканы...

Андрей любил приезжать к нам в Сергеев Посад. Какое-то время мне казалось, что для него это было необходимостью — таким образом он пытался сбежать от проблем и забот, которые наваливались на него с новой силой; возможно, даже сбежать от самого себя...

Здесь, за Лаврой, мы, как правило, окунались в купель у источника преподобного Саввы Сторожевского. Первый раз это произошло летом. Потом года два-три подряд мы «заныривали» там в освященную воду на Крещение. «Как заново родился!», — восхищался Новиков, когда мы счастливые и мокрые возвращались по морозцу домой. Для сугреву у нас с собой всегда была небольшая пляшечка с коньячком. Но согреться было необязательно, поскольку вскоре после омовения в купели внутри появлялись невероятная бодрость и тепло (даже жар). Коньячок — это было что-то типа ритуала.

Кстати, Людмила Николаевна, мама Андрея, рассказывала, что у сына с детства был тик — он часто непроизвольно подергивал плечом. Он никогда на это не жаловался, разве что в стихах: «Щербатый нож, тупая боль в ключице».

Так вот, после святого источника у него этот тик на какое-то время проходил.

А как Новиков любил возиться на кухне! Нарезать салат оливье крупными кусочками для него было сущим удовольствием. Однажды он, будучи у нас в гостях, приготовил шикарный пирог с сыром. Вот так, за разговорами «за жизнь», о судьбах литературы, за анекдотами и веселыми историями, получилась вкуснейшая выпечка. Сколько я ни пробовал делать по его рецепту — такого тонкого теста, такой идеальной пропеченности, такой сочности — ни разу не удавалось добиться. Немаловажно заметить, что Андрей раскатывал тесто пустой бутылкой из-под шампанского.

Вспоминается, как, будучи уже опьяненными не столько от выпитого алкоголя, сколько от незатейливых бесед, мы решили подняться на крышу нашей 15-этажки. Сказано — сделано, взяли с собой недопитую бутылочку коньяка и пошли вверх по лестнице. Но вход на крышу оказался под замком, и ломать его

никакого резона не было. Поэтому мы расположились на общем балконе. Дул пронзительный ветер, было зябко, Андрей с грустной улыбкой смотрел в ночное небо. Что он там увидел?

*Крыша, простившись с городом,
тихо плыла на запад.*

Тогда ли к нему пришли эти строчки? Не факт.

Андрей был добрым человеком. Добрый человек из Угреши. Причем доброта его — деятельная, не на уровне сочувственных вздыханий; он реально старался вникнуть в ситуацию и помочь. Так случилось, когда у моей семьи возникли трудности со съемом жилья. Он не только предложил свою однушку в Дзержинском, но и договорился со знакомой директрисой школы, чтобы устроить среди учебного года моих девочек: жену — учительницей, дочку — в третий класс. Кстати, моя Аня и Стас, старший сын Андрея, пусть недолго, но учились в одном классе.

А для младшего сына Яника я, по настоянию Новикова, стал крестным папой. Сейчас Яник в Минске, занимается музыкой, играет на флейте, участвует в конкурсах. Думаю, Андрей, где бы он ни находился, радуется за своих детей.

Что еще рассказать? О том, какой он был влюбчивый и страстный, как терял голову, как страдал от этого? Пожалуй, эти темы я затрагивать не буду.

*Но жизнь в борьбе со здравым смыслом —
Не сильный кайф.*

Хочется еще вспомнить нашу поездку в Константиново на день рождения Сергея Есенина. Лена Сафронова, у которой мы гостили тогда в Рязани, рассказала о ней достаточно обстоятельно.

Добавлю только такой момент. После торжеств в Константинове все как-то быстро разъехались. И мы с Новиковым остались одни рядом с его «пыжиком» (автомашина марки Peugeot). Как ни пытались открыть заблокированную дверь автомобиля — не удавалось. Тогда мы аккуратно дотолкали машину в сторонку, чтоб никому не мешала, а сами пошли в местный ресторан. «Что-то есть очень хочется», — признался Андрей. Мы заказали жаренной картошки с котлетой и графинчик водочки. В общем, знатно отобедали. А потом, после ресторана, не нашли ничего умнее, как пойти из Константинова в Рязань. Пешком. Шли и читали наизусть стихи Сергея Александровича:

*Я иду долиной. На затылке кепи,
В лайковой перчатке смуглая рука.
Далеко сияют розовые степи,
Широко синее тихая река.*

На закате степь и вправду казалась розовой. Сердце наполнялось восторгом. На душе было светло, радостно, беззаботно. Дорога (как и наша жизнь) казалась бесконечной. И нам оставалось только по ней идти и идти...

Андрей Новиков и Вячеслав Харченко. Фото Елены Гончаровой

Радость молодости

Вячеслав Харченко

Когда пишешь об Андрее Новикове, то понимаешь, что это ушедшая эпоха, давно канувшая, сгинувшая, а ведь со дня его смерти прошло всего каких-то жалких семь лет, но за эти семь лет мир перевернулся. Я не представляю Новикова в маске (заметьте я не антиваксер, у меня есть QR-код, заметьте, что я вынужден об этом оговариваться)! Я не представляю Новикова во всех этих срачах о присоединении-оккупации Крыма, которые разразились после 2014 года (заметьте я вынужден и тут делать двойную оговорку)! Со многими друзьями мы перессорились, многие друг с другом не общаются, многие друг друга забанили в социальных сетях. Я не представляю Новикова, который кого-либо забанил. Новиков — это притяжение, это радость молодости в ярчайшем сгустке, это энергия деятельности и бесконечные идеи, проекты, бурление и делание. Новикова я могу представить только на берегу Черного моря. Вот мы встали с рассветом, откупорили бутылочку «Хереса» Коктебельского завода (где теперь этот «Херес» Коктебельского завода, вырубил виноградники), окунулись у эллингов у горы Волошина в теплых волнах Черного моря, откушали кефаль, козий сыр и татарскую лепешку с близлежащего рынка и в греческих туниках с оливковыми венками на головах в окружении поэтов, прозаиков, критиков, читателей, муз, весталок и вакханок под пение соратников и соратниц двинулись на агору дома-музея Волошина, чтобы принести в жертву Аполлону все свои силы и способности, как

это делали до нас сто лет назад Макс Волошин, Николай Гумилев, Черубина де Габриак, Осип Мандельштам и et cetera. Ничто так не сближает, как бескорыстное совместное служение поэзии. Никто так не служил бескорыстно поэзии, как Андрей Новиков. Его окружало какое-то бесчисленное количество поэтов. Кого мог он печатал в журнале «Современная поэзия», кому мог выпускал книги в серии этого же журнала, кого мог возил на фестивали в Крым и Минск, а еще сайты «ТЕРМИтник поэзии» и «ЛИТАФИША», а еще литературное объединение «Рука Москвы».

Почему я говорю, что это проекты Андрея Новикова — потому что после его ухода все они сгнули. Андрей, как никто другой, умел находить единомышленников и помощников, но, к сожалению, после его ухода, как оказалось, все его проекты держались только на нем.

Такие люди, как Новиков, вынуждены жить в одиночку и думают: «Я буду жить вечно». Его смерть была столь внезапна, что он даже не оставил никому паролей от своих сайтов. Через какое-то время все его проекты просто растворились в бескрайней сетевой паутине.

Его журнал постоянно звали в «Журнальный зал», но Новиков не мог обеспечить его регулярность. Его поэты стали лауреатами Григорьевской премии, премии имени Фазиля Искандера, Московского счета, Волошинской премии, победителями Большого слэма, но Новиков этого не увидел. Всего семь лет, жалкие семь лет. Песок, пыль, ничто с точки зрения космоса.

А еще Новиков сам писал стихи. Замечательные, прекрасные стихи, но относился к ним так уничижительно наплевательски, что его друзья сумели выпустить книгу его стихов только после его смерти.

И вышла она в «Воймеге» Переверзина (если это кому-то что-то говорит) с предисловием Ольги Ермолаевой (если это кому-то что-то говорит).

Знаете, каждый из нас должен рождаться в свою эпоху и творить в свою эпоху. Потому что многих из нас невозможно представить вне времени рождения. Чтобы понять Андрея Новикова, надо понять нулевые XXI века. Чтобы понять поэзию нулевых XXI века, надо понять и помнить Андрея Новикова.

Год 2001-й. «Я сердце отдавал в минувший год»

Дмитрий Макаров

Жизнь — драма во многих действиях. В каждом — свои премьеры и статьи. Было время, когда Андрей играл в моей жизни едва ли не главную роль. Это действие настолько давно в прошлом, что я путаюсь в именах и датах, пытаюсь его вспомнить. А вспоминать нужно. Хотя бы отдельные эпизоды. Хотя бы и доочиняя. Но только детали — не поступки.

Мне было 19 лет, когда мы встретились. Дело было в Питере, в кофейне Riso на Пушкинской улице. Знаковое место эпохи первого кофейного бума! В городе уже открылись десятки «Идеальных чашек», где все принялись немедленно засе-

дать. Прежде-то свидания и дружеские посиделки были возможны либо в Макдо, либо в совсем уже питейных заведениях. А чаще — в парках с банкой джин-тоника на двоих. И тут, вообразите, как в Париже, в XVIII веке — вольнодумные кофейни. Едва ли студенты были желанными посетителями, прибыли от нас было чуть, а сидели мы до последнего. Меня же тянуло к этим местам неодолимо. Правда, на чашку в «Чашке» еще хватало, а вот на Riso с его волшебными капучино на трех сортах кофе и сицилийскими трубочками — нет. Там я оказывался обычно с кем-нибудь из щедрых друзей. О, бедная юность! О, капучино — предел мечтаний!

И вот как-то в начале 2001 года в это самое Riso позвала меня однокурсница Женя. Главным образом, чтобы я послужил буфером между ней и страстным московским ухажером. Москвичи... Круче были только иностранцы. Столичные ребята с зарплатами в долларах приезжали кутить в город на Неве на выходные и заодно, что скрывать, выгуливали нас. Тут, правда, сказала Женя, особый случай: парень — поэт... Как раз за полгода до этого Женя показала мне свои стихи, получила от меня совет этим делом не заниматься, бросила литературу и сделала в следующие десятилетия отличную карьеру на Западе. Мне такой совет никто не дал (может, и зря). Поэтому я пошел в разнос — ЛИТО «Пиитер», «Стихи.Ру», чтения в «Бродячей собаке». Где мы там все и начинали.

В общем, я пришел в кофейню. Плохо помню подробности, но мы точно закутили. Уже без Жени. Андрей часто навещался в город по разным поводам. В один из приездов мы оказались в снятой им у первой попавшейся бабки на вокзале квартире в районе, кажется, Бухарестской улицы (бывал ли я там еще хоть раз?) — распили несколько бутылок, прочитали друг другу все стихи, что знали, и довольно рано завалились спать. В три утра затрезвонил домашний телефон. Соседка сверху (это была она) заявила: «Мне все равно, чем вы зарабатываете на жизнь, но дайте мне спать» и повесила трубку.

Новиков зарабатывал, трудясь в компании, связанной с фарминдустрией. Получал зарплату и проценты. Иногда денег было много, иногда не очень. У него от первого брака был сын, и Андрей этой семье купил квартиру. Ипотеки тогда не было, так что он выплачивал долями, порой съедавшими почти весь его месячный доход. И все равно, щедрее человека в то время я не встречал. Он все время кому-нибудь помогал. И еще он был необыкновенно витальным, человек-магнитом, рядом с ним хотелось находиться.

В июне 2001 года мы все — полупризнанные сетевые литераторы — собрались в знаменитом подмосковном пансионате в Липках. На несколько дней — при поддержке Андрея — там оказался и я.

О, это были сладкие дни. В начале жизни Липки помню я. Пели-ели-пили-сочиняли-читали. Среда была толерантная, всеядная по части талантов самого разного уровня и жанра, необыкновенно творческая. У меня же в Липках случился небольшой роман, переживая который, я и завис в Москве на все лето. В сентябре, как помню, я еще снялся в небольшой роли в фильме Янковского

«В движении», а в тот же день в Малом зале ЦДЛ собралась толпа — все Липкинские и все, кто туда не доехал, и еще Питерские. В какой-то момент стало так душно, что я крикнул: «Откройте окна! Русская литература задыхается!» Впрочем, слушать друг друга особенно никто не жаждал — все хотели выступать как можно дольше, а, выступив, свалить в буфет пить водку с Новиковым, Таней Бориневич, Юрой Ракитой. Кто там еще был?

В общем, событий было много, я поздно вернулся в Петербург и в университет, аж 18 сентября, оказался перед лицом госкомиссии и был неожиданно отчислен. Кто меня приютил? Кто меня спас в момент такого фиаско, о котором я даже маме не мог сказать? Андрей Новиков.

Я переехал в его съемную московскую квартиру в Новых Черемушках, на улице Архитектора Власова. И несколько месяцев жил на его попечении. Там был диванчик из Икеи, самый дешевый стол оттуда же и несколько табуреток, книжный стеллаж. Жили мы очень скромно. Доширак, хлеб, иногда водка и лимонад «Зеленое яблоко». Когда приходила его девушка Саша, я уходил в туалет читать «Солярис» Лема. Прочитал его дважды. Почему в туалет? Других дверей в квартире не было, а на улице рано началась в тот год холодная зима. На кофейни не было денег, да и кофейен в том районе не было никаких. Был и есть прекрасный Воронцовский парк. В те месяцы гостеприимства, спасения меня от многих бурь и бед, Андрей впервые проявил и свой импульсивный характер. Сосредоточенный на своих проблемах, я долго не замечал, что рядом со мной — в близком друге — настоящий вулкан. Как-то я уехал на пару дней в Питер. В это время Саша бросила Андрея. Так он устроил дома настоящий погром. Банки с маринадами и вареньями от Сашиной бабушки, бутылка ликера «Ванна Таллинн» — все это было разбито о стены, стекало по полам, заляпало компьютер. Впрочем, я увидел уже только следы недавней бури и остывшего, выпустившего весь пар улыбающегося Андрея.

В разные периоды в нашей пещере появлялись и другие постояльцы — Наташа Демичева, сестра Андрея Света. Это была славная зима! Много было событий. Каждый день гости. Я пытался найти какую-то работу, но мне не особо везло. Прошел кастинг в мюзикл — мюзикл закрыли. Я был должен тогда всем и каждому. Кому сто долларов, кому двести. Мне даже неловко было приходиться на поэтические вечеринки. Потом мне удалось закрыть старые долги, а с двумя из них — в период совершенного безденежья — мне снова помог Андрей. Просто встретил перед входом в квартиру Юры Ракиты, дал мне деньги и сказал: «Закрой долг. Не закрывай дружбу». Великий совет. Большая и своевременная помощь! Как же хорошо, когда они идут вместе.

Восстановившись в Москве, я вернулся в Петербург и какое-то время еще побыл петербуржцем, прежде чем все-таки перебраться в столицу. Мы никогда уже не были так близки. Виделись, конечно, но гораздо-гораздо реже. Андрей ушел из своего бизнеса, занимался издательской деятельностью, был редактором и организатором конкурсов, ездил по всей стране, читал свои стихи, публиковал и

страстно слушал чужие. Он умел дружить и не давал резких оценок. Не только потому, что его собственная поэзия была уязвима для критики, а потому, что понимал литературу как большое сообщество очень разных по уровню таланта и по душевным качествам людей.

Как семью.

Я запомнил его добрым, умным, ироничным человеком, смелым в трудных ситуациях. И еще страстным другом, почти братом. Вместе с тем, мне всегда казалось, что он по-настоящему не смог реализовать что-то спавшее в нем. Его бешеная энергия прорывалась иногда, выливаясь в поступки, о которых я только слышал. К счастью, только слышал. Не эта ли разбалансированность бытия и привела Андрея к семейной драме, а после — на тонкий весенний лед Чистого пруда, где он и погиб. Его долго искали, не могли найти, а потом почти случайно всплыло видео со смартфона какого-то подростка...

Впрочем, я, думая об Андрее, вспоминаю совсем другую сцену на Чистых. Было лето. Самое начало века. Мы возлежали на травке со стороны кинотеатра «Ролан», пили по бедности (даже не по моей, а по его бедности) полусладкое «Арбатское» пойло и, заложив руки за голову, мечтали о будущем. «Вот, через 20 лет я и ты...».

Через 20 лет из нас двоих остался только я, мой дорогой друг. Но пока я есть, я тебя помню. И кофе в Risco, и «Гжелку», и зиму в Черемушках.

Фотография на фоне...

Елена Сафронова

Недавно у моего доброго друга и очень хорошего человека, поэта, писателя, журналиста Владимира Пимонова был день рождения. По этому поводу фейсбук услужливо сгенерировал коллекцию фотографий, на которых мы с Володей отмечены вместе — и предложил его поздравить, напомнив о совместно проведенных моментах. Подборку фотографий открывал замечательный снимок: заливчатый Андрей Новиков с гитарой, с широкой улыбкой, с песней на губах... За его спиной допотопный сервант с радужным блюдом немецкого фарфора. Это — деталь обстановки моей квартиры.

Искусственный интеллект жесток. Вернее, рационален, а значит — бессердечен. Он подбрасывает воспоминания, основываясь на чисто формальных признаках, не заботясь о тех чувствах, что они пробудят. Андрея Новикова с нами нет уже больше семи лет. Фотография относится к осени 2004 года. Она сделана в день нашего первого знакомства. Этим знакомством мы оба обязаны Владимиру Пимонову.

Летом 2004 года Володя напечатал одну из моих первых статей — о дамских детективах — в прекрасном южнорусском литературном журнале «Родомысл», который в силу объективных причин прекратил свое существование, и мне до сих пор жалко это почившее издание... Слово за слово, мнение за мнение, сти-

Андрей Новиков в Рязани, 2004 год. Фото Наталии Осташевой

хотворение за стихотворение — так мы с Володей и сдружились, и общались, пока я работала в Москве. Но вскоре пришлось уехать. А новый друг меня не забыл — и на день рождения Есенина выразил желание прибыть в Рязань, чтобы вместе посетить Константиново, да не один, а с компанией. «Три брата и две сестры приедут!» — кричал Володя в трубку сотового, а я радостно вопила, мол, жду, выхожу встречать. Ребята сами нашли дорогу — по навигатору. Это был, кажется, единственный случай, когда у гостей в рязанско-константиновском вояже техника сработала адекватно...

Владимир не преувеличил. Поэты Андрей Новиков и Андрей Коровин стали мне братьями, как и сам Володя. Сестрами он назвал Наташу Осташеву и Олю Кузнецову, девочек славных и милых. Андрей Новиков привез мне в подарок несколько номеров журнала, которому был разом главным редактором и издателем — «Сетевая поэзия». Вскоре после того журнал сменил название на более пафосное «Современная поэзия». А у меня осталось несколько уникальных номеров с «исходным именем». Тогда, в нулевые, были в моде горячие споры между «сетевой» и «бумажной» поэзией, столь же красноречивые, столь и бесплодные, как историческая полемика «физиков» и «лириков». Насколько понимаю, смысл издания «Сетевая поэзия» в том и состоял, чтобы показать: в интернете могут рождаться настоящие стихи, нельзя к ним подходить с огульным отрицанием-высокомерием...

Все мы погрузились в автомобиль Новикова Peugeot, который никто иначе как «пыжиком» не называл, вместительный, как дом: пятеро прибыли из Москвы,

а в Рязани и для меня места хватило!.. Наверное, хватило бы и для гармошки, как в том анекдоте... «Пыжик» сыграл важнейшую роль в приключениях нашей компании и насытил день незабываемыми событиями. Мы поехали гулять — и пробили колесо в центре Рязани, едва ли не на площади Ленина (здесь дороги — чудо из чудес с тех пор, как городом руководит не Надежда Чумакова). На беду, у Андрея не оказалось запаски. Мы с девочками и Андреем Коровиным пошли любоваться рязанским кремлем. Пимонов мужественно остался помогать Новикову. Мы потеряли ребят из виду на долгие часы... Потом выяснилось: автомобилисты сначала пытались безуспешно накачать колесо, затем поняли бессмысленность попыток, потолкали машину до сервисного центра, а работали эти заведения, в силу выходного дня, далеко не везде, они нашли действующий на улице Есенина. Закономерно, что автосервис перед Есенинским праздником работал только на улице Есенина!.. Там колесо заменили. Но это был не ближний свет от места аварии... Мужики, «усталые, но довольные», вернулись в центр города, где подобрали нагулявшихся товарищей. Мы приехали ко мне домой. Состоялся феерический вечер с песнями. Как сейчас помню: Володя за столом, по моей просьбе, пел «Гостиницу мою» Кукина и редкие песни Высоцкого, в том числе «Всю войну под завязку я все к дому тянулся...» Андрей Коровин — Галича: «Облака плывут, облака». А вот что пел Андрей Новиков, совершенно не помню... Не иначе, произошло вытеснение из памяти болезненного воспоминания. Володя уверяет, что Андрей исполнял «шебутные пионерские песни». Что они были веселыми, показывает шкодливое выражение лица нашего друга на фотографии...

На следующий день в Константинове приключения продолжились, спасибо «пыжику». Туда он нас довез всем составом, мирно встал на парковку, выключился, помигав фарами... А спустя несколько часов включаться не захотел. В промежутке мы слушали выступления рязанских поэтов, ребята радовались, что и такое, оказывается, можно провозглашать со сцены — может, и «пыжик» наслушался и «умер»?.. Или, наоборот, возможно, ему так понравилась аура места, что он не пожелал уезжать?.. На техническом языке то, что случилось, называлось «заглючила сигнализация», так решил Андрей. Но я по сей день уверена, что в этом происшествии крылась какая-то мистика. Пыжику-то все равно, а ведь людям завтра на работу, а работа в двухстах километрах от места затыка!.. Лихорадочно стали искать, кому как доехать домой. Андрей Коровин с девушками, если не ошибаюсь, нашли какую-то попутку в столицу. Меня подвезла одна рязанская творческая делегация. А Новиков и Пимонов опять остались колдовать над не подающим признаков жизни аппаратом.

...Поздним вечером они вернулись ко мне. Наверное, такси поймали. Машина отказалась заводиться. Несмотря на это незапланированное затруднение и на то, что приходилось менять планы буквально на ходу, ребята не выглядели потерянными или печальными. Озабоченными — да. Мобилизованными — да. У меня осталось в памяти, что проблемы заставляли Андрея Новикова собираться и действовать, а не наоборот. Он уже построил план действий: вызвать наза-

втра брата на другой машине, чтобы или починить «пыжик», или хотя бы транспортировать его в Москву. Забегая вперед: так и сделали, и, вроде бы, пыжик, хотя его вернее звать осликом, заработал, оценив силу воли хозяина. А Володя был умилен пребыванием на родине Есенина. Он возбужденно рассказывал, как мимо них, возящихся с машиной, селянка корову домой загоняла: «Милка, Милка! А ну, домой, живо, проститутка!» Думаю, водитель обращался к своему упрямому автомобилю примерно так же... Но даже от меткого и волшебного народного слова «пыжик» не завелся...

Мы устроили еще один импровизированный творческий вечер — теплый и радостный, с чаем и шарлоткой. Читали стихи из моей второй книжечки «Баллада судьбы», выпущенной на грант областного правительства. «Мы, простые русские главные редакторы...» — повторял Андрей Новиков. С позиций простых русских литературных профессионалов мужчины объяснили мне, почему эти тексты вряд ли взяли бы в печать столичные журналы. Беседа вышла своевременной, как роман «Мать» в эпоху первой русской революции. Именно тогда я уже почувствовала сомнение в своих силах как поэта, интерес к критике (не зря же написала несколько текстов критико-публицистического характера!), но многолетняя привычка еще заставляла цепляться за стихи... А «наслушанность» и «начитанность» моя стихами других авторов, в силу слабого тогда распространения интернета, ограничивалась в основном Рязанью, чего для литературного уровня явно не хватало. Прорывы выпадали редко. Так, например, в моей «копилке» было уже соприкосновение с одним из крупнейших поэтов современности — Валерием Прокошиным (на семинаре в Рязани), но масштаб его дарования мне суждено было понять значительно позже... Кстати, благодаря этому же кругу друзей... Впрочем, о Прокошине — совсем другая история. Здесь очень важно сказать: то дружеское, непринужденное, добродушное, без «подколов» и высокомерия, обсуждение с Андреем Новиковым и Володей Пимоновым моих стихов помогло мне сделать верный выбор между поэзией и критикой. Признаюсь: проведив их, я в считанные дни написала статью «Критика под местным наркозом». Статью опубликовал журнал «Урал». А затем пошло-поехало...

Андрей Новиков был не только одним из тех, кто направил меня на критическую стезю. Он выпустил (при технической поддержке поэта Ильи Леленкова) мою вторую и, пожалуй, любимую книгу критических статей «Диагноз: Поэт», куда вошла одиозная одноименная статья, нашедшая многих недоброжелателей в поэтическом цехе (то бишь однозначно удавшаяся). Книга, если не ошибаюсь, открывала серию «Критический минимум» библиотеки журнала «Современная поэзия». Поэтическая серия существовала давно, в ней вышли сборники очень качественных ныне живущих поэтов, некоторые из них я даже рецензировала в своем новом амплуа. А потом у Андрея возникли амбициозные планы сделать аналогичную серию из работ критиков. Мне выпала честь начать этот проект. Электронная версия книги потом долго держалась в книжной рубрике на портале «Литафиша» — пока существовал этот ресурс. В огромной степени его су-

ществование зависело тоже от Андрея Новикова. Сейчас в сети на поисковый запрос «ЛИТАФИША» выпадает страница, но это уже совершенно иное издание, даже не литературное...

Признаюсь: сборник, даром что тоненький, родился нелегко. У Андрея был тогда целый пласт личных и семейных проблем, о которых мне говорить не хочется. Мы были добрыми друзьями (надеюсь, Андрей разделял это мнение!), но я не входила в его ближайший круг и о многих вещах узнавала через вторые-третьи руки. Но, несмотря на комплекс проблем и забот, Андрей не бросил наше дело. Книга «Диагноз: Поэт» стала в полном смысле слова выстрадаанным ребенком. Мы делали ее около двух лет. «Родилась» она зимой 2014 года. В последние февральские дни ее торжественно презентовали в Булгаковском Доме. Все мои друзья-братья присутствовали на том вечере, выступали, говорили замечательные слова, от которых я польщенно краснела...

Мне и в голову не приходило, что в тот день я вижу Андрея Новикова в последний раз. Он погиб спустя полмесяца. Тут у меня слова кончаются. Остается комок в горле и фотография веселого Андрея с гитарой на фоне нашего пожившего серванта. В серванте зеркало. Думаю, там все еще живо его отражение...

Выдающееся обаяние главного редактора

Илья Леленков

Дело было в начале нулевых. Я ехал на редакторское собрание одного из многочисленных тогда поэтических сайтов со свободным размещением текстов. Попал я на этот сайт случайно — кто-то посоветовал разместить на нём свои вирши. Попав, почему-то решил, что вести там следует себя активно — комментировать, ставить оценки (по-нынешнему «лайки»), что-то ещё. И вот — так же случайно оказался в редколлегии.

Настроение было тревожным. Совещание было назначено на квартире главного редактора, отношения с которым, увы, не складывались. Не складывались от слова вообще. И мнения по всем вопросам у нас были противоположными, да и по-человечески — как-то совсем никак. А ведь ещё должны прибыть с полдюжины сетевых поэтов — существ в то время для меня совсем непонятных. Чего от них ожидать — неизвестно. Могло ведь дойти и до мордобоя. Главной мыслью была: «А ну его на фиг». Но я тогда всё-таки доехал.

Возвращался я уже за полночь, забыв в гостях портфель и, по-моему, шарф. И был совершенно очарован. Выдающимся обаянием главного редактора. Непринужденной и дружеской атмосферой самого совещания, проходившего под горячие закуски и настойку «Немирофф». Всеми этими милыми, странными и талантливыми людьми.

Главного редактора звали Андрей Новиков.

Вот с тех пор мы и дружим. Не могу до сих пор в прошедшем времени. Хотя назвать нас настоящими друзьями, наверное, нельзя. Спокойно могли месяцами

обходиться друг без друга. При этом я знал, что где-то рядом есть Андрей. Вскоре познакомились семьями, и по возможности встречались — дома, в кафешках, иногда выбирались на интересующие нас концерты. Вкусы у нас оказались схожими — что в музыке, что в еде и напитках, что в поэзии.

Про поэзию отдельный разговор. Я всегда стеснялся этого термина — «поэт». Да и сейчас немного стесняюсь. Меня всегда было сложно затащить на какие-то поэтические мероприятия, заставить как-то проявлять себя. Андрею это удавалось. Причём легко, ему невозможно было отказать. Две мои первые книги издал он. Таскал меня на поэтические фестивали, которые сам организовывал, на выступления, конкурсы и т. д. Зазвал в ЛИТО «Рукомос» и в свой журнал «Современная поэзия». И поверьте, я далеко не один такой.

И то, что я до сих пор занимаюсь поэзией, этим «недостойным» делом — виноват он. И только он. Новиков Андрей Вячеславович. Поэт, культуртрегер, главный редактор сайта «ТЕРМИтник поэзии», журнала «Современная поэзия». Мой Главный редактор. Мой друг.

Уже совсем скоро, в 2024 году исполнится 50 лет со дня рождения Андрея. И 10 лет со дня его трагической гибели. Об Андрее конечно помнят. Но с особой радостью недавно услышал, что ведутся разговоры об учреждении Новиковской премии. При этом я призадумался. А кому её вручать? Культуртрегерам? Их, понятное дело, очень мало. Поэтам? Их, понятное дело, очень много. Паре — культуртрегер и «открытый» им поэт? У меня самого есть мысль организовывать ежегодные квартирники, новиковские чтения. Но я, признаюсь, очень хреновый организатор. Надеюсь, что близкие, друзья, соратники, Лилия Газизова решат, что делать. Я, конечно, приму в увековечении памяти Андрея любое посильное участие. И думаю, что мы все вместе это обязательно сделаем. Надо сделать.

P.S.

А недавно полученную в Питере Григорьевскую премию я посвящаю памяти Андрея. Надеюсь, что ты Там за меня порадовался. Стоит ли повторяться, что и это тоже — благодаря тебе?

Капсула с ядом

Александр Кабанов

Андрюша Новиков умер. Давно.

Я уже и не стараюсь помнить, когда именно и как это произошло, потому что ничего, кроме досады и раздражения его глупая смерть во мне не вызывает.

Он много пил, лечился, снова пил. Терзал своими дикими запоями жену и друзей, часто исчезал с радаров литературной жизни, выпадал из реальности. Опять пил, лечился и пил. В один из дней он снова пропал. Его долго искали. Потом нашли. Уже в общей могиле, захороненным вместе с бомжами и лицами, чьи трупы не были востребованы родственниками.

А вот насколько Новиков был светлым и щедрым человеком, я помню очень и очень хорошо, и перекаत्याю это воспоминание во рту, как тонкостенную капсулу с ядом. И я больше не боюсь эту капсулу раскусить.

Новиков сделал очень много для того, что сейчас называют Сетевая поэзия. Талантливый организатор, внешне похожий на квадратную и многосильную машину для генерации фестивальных и издательских идей. Он был весь как бы изнутри покрыт атлетической мускулатурой. Неугомонный создатель и редактор журнала «Сетевая поэзия», со-организатор (вместе с Николаем Сулимой) Международного фестиваля поэзии в Минске — «Порядок слов», один из координаторов литературного объединения «Рука Москвы»... А каким честным и восторженным другом он был! И вот здесь мне хочется заплакать, и я плачу, потому что понимаю — это была не капсула с ядом, а икринка, наполненная соленым соком благодарности и непоправимой утраты.

Дорогой Андрюша, спи спокойно, балбес. Знаю, что тебя нашли друзья и родственники, что достойно перезахоронили. Да, приехать из Украины в Россию сегодня, к тебе на могилу, сам понимаешь, пока не могу. Иногда мне кажется, что ты умер вместо меня. Сорвался на каком-то этапе жизни — в это чудовищное и неизлечимое алкогольное пике и сгинул, пожертвовал собой, как настоящий друг. Ну и нафига?

Последний рыцарь

Андрей Коровин

Этажи памяти

Я помню Андрея в нескольких его жизнях, в нескольких измерениях, как бы на разных этажах судьбы....

Этаж первый

Нас объединила любовь к поэзии и движение, которое получило название «сетевая поэзия». Он был его магистром и последним рыцарем. С его смертью такое явление как «сетевая поэзия» для меня закончилось.

Мы познакомились, сами того не желая. В 2001-м году я был главным редактором литературного сайта «Поэзия.ру». Побороздив воды интернет-журналов со свободным размещением произведений я понял, что множество хороших авторов, живущих там, не имеют выхода на бумагу. И мне пришла мысль объединить усилия различных сайтов в едином печатном журнале, чтобы отбирать туда лучших и лучшее и доносить это всё до читателя, живущего по законам печатной литературы. Я написал письмо-предложение и разослал его по электронным адресам главных редакторов литературных интернет-журналов. Примерно через полгода со мной связался Юрий Ракита, сообщив, что группа товарищей приняла решение издавать такой журнал, и они приглашают меня в редколлегию. Главным редактором уже негласно был объявлен некто Андрей Новиков. Это имя

мне совершенно ничего не говорило. Юра нас познакомил. Новиков отнёсся ко мне недоверчиво. Впрочем, как и я к нему. Но это недоверие длилось недолго. После одного вечера мы сидели в клубе «Проект ОГИ» в Потаповском переулке, беседовали о жизни и поэзии, и что-то такое непроизнесённое вслух промелькнуло между нами. Мы замолчали и понимающе посмотрели друг на друга.

Толстые журналы («Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов» и т. д.) брезгливо отбрыкивались от нарождавшейся «сетевой поэзии», считая поголовно всех интернет-авторов конченными графоманами. Мы (тогдашние двигатели сетевого литпроцесса) понимали, что для того, чтобы выжить и утвердиться в эгоцентричном мире «толстожурнальной литературы», нужно выстроить собственную параллельную вселенную. И мы начали её создавать: печатные органы (журнал «Сетевая поэзия» и самодеятельные книги в разных мелких издательствах), площадка для выступлений наших авторов в «Театральном особняке», в театре песни Виктора Луферова «Перекрёсток», а затем и в Булгаковском Доме, литературные фестивали сетевой поэзии: «Липки» — в Подмоскowie, Волошинский фестиваль — в Коктебеле, «Петербургские мосты» — в Питере, «Порядок слов» — в Беларуси, «Киевские лавры» — в Киеве, «SLOWWWO» — в Калининграде, различные литературные конкурсы и многое-многое другое. У всех было полно идей, и энергия была через край. Ничего не стоило поехать куда-нибудь через всю страну, а то и за границу, чтобы познакомиться с новым хорошим автором или энтузиастом-организатором. Это была эпоха сетевой поэзии — все поэты, и подлинные, и любители — знакомились в интернете, общались, придумывали творческие проекты, всерьёз обсуждали стихи и троллили друг друга под десятками интернет-масок, устанавливали новые правила литературного общежития, создавали собственных поэтических кумиров и богинь, выходили в печатные поэты или навсегда оставались сетевыми. Казалось, что это будет длиться вечно, и мы вечно будем молодыми и счастливыми, и радость наших встреч не омрачит никакая злоба и вражда. Как же мы заблуждались! Так же, как все романтики любой эпохи...

ЛИТО «Рука Москвы», сокращённо «Рукомос», одно из детищ Андрея, собиралось с 2002 года в «Театральном особняке» возле станции метро «Площадь Ильича». Я там бывал на литературных вечерах сетевых авторов, несколько дистанцируясь от членства в ЛИТО, чтобы быть «над схваткой», хотя именно эти ребята мне были тогда особенно близки в литературной Москве. Помню Андрея, раскладывающего на продажу книги сетевых авторов перед очередным литературным вечером. Я частенько оставался с ним в театральном фойе, слушая вечера вполуха и обсуждая с ним продаваемые книги и их авторов. Не думаю, что продажа книг была его средством заработка. Скорее в нём жил подлинный книжник, книгоноша, человек, книгу искренне любящий и пытающийся привить любовь к ней всем остальным. Не важно, к какой книге. Позже помню его с тяжёлыми сумками книг на плече, которые он таскал по литературным клубам. Одна сумка так и потерялась где-то в недрах Булгаковского Дома...

Помню регистрацию журнала «Сетевая поэзия» где-то в Москве. И нас, человек десять учредителей во главе с Новиковым. Нам хотелось быть наравне с толстыми журналами, официальным СМИ. Помню сборы редколлегии у Славы Харченко, Кости Прохорова и где-то ещё. На одном из них я стал убеждать коллег, что сетевая поэзия по факту уже стремительно вышла за рамки сетевой. Наши авторы — Ватутина, Кабанов, Каневский, Власов и другие — публикуются в печатных журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», причём переходят они туда прямо со страниц нашего журнала. Решили переименовать журнал, набросали варианты нового названия. Лично я придумал десятка три-четыре, среди них была и «Современная поэзия». Андрей настаивал на варианте «Пароход современности». Но мне удалось убедить редколлегию, и с 2006-го по 2012-й журнал выходил уже, хоть и нерегулярно, под названием «Современная поэзия». И если изначально была договорённость, что каждый член редколлегии по очереди собирает один номер, то впоследствии это правило перестало работать, в том числе из-за нерегулярности и частых срывов Андрея. Со временем мы задумали выпускать при журнале поэтическую книжную серию. Горячо обсуждали авторов. Я предлагал большой список, из которого Андрей формировал первый пул, второй и так далее. С трудом мне удалось его уговорить издать книгу Ани Логвиновой «Кенгурские стихи», которая стала звёздной в нашей серии. Книга Андрея Полякова «Письмо» заняла первое место на «Русской премии». А вот книга Валеры Прокошина «Ворованный воздух», собранная им ещё при жизни, к сожалению, увидела свет только после смерти автора... Многие задуманные книги тогда не состоялись из-за нестабильности рабочего графика Андрея.

В 2003-м состоялся Второй слёт-фестиваль сетевой поэзии «Липки-2003». В оргкомитет входили: Юра Ракита, Дима Коломенский, Андрей Новиков, я, Света Бодрунова и Олег Шатыбелко. Финансовую сторону, насколько помню, взяли на себя Ракита и Костя Прохоров. Это стало настоящим событием для сетевого литературного сообщества. Многие приехали из разных городов и даже стран, увидели друг друга впервые и познакомились воочию. Были полноценно представлены два главных сетевых литобъединения Москвы и Петербурга — «Рука Москвы» (Рукомос) и «ПИИТЕР», сайты «Стихи.ру», «Поэзия.ру» и «Термитник». Пригласили и Андрея Василевского, главного редактора «Нового мира», и Александра Житинского, который тогда активно поддерживал сетевых поэтов, и Максима Мошкова, создавшего свою легендарную сетевую библиотеку, и даже условных литературных конкурентов («Вавилон»). Помню Дмитрия Быкова, щедро подписывавшего свои книги желающим. Помню молодых «тридцатилетних» Шульпякова-Тонконогова-Янышева-Сороку, особняком гулявших по аллеям Липок. Помню одного литератора, вышедшего к микрофону абсолютно голым... Но это совсем другая история.

В том же 2004-м состоялся второй Волошинский фестиваль в Коктебеле. Почему-то именно там мы втроём с Юрой Ракитой и Андреем Новиковым составили и подписали в каком-то ресторанчике «Договор о сотрудничестве», где были

изложены (с Юриной математической скрупулёзностью) наши цели и задачи. Мы сфотографировались с этим документом на фоне Волошинского дома. Никогда больше я эту бумагу не видел. Интересно, где она теперь? Все ли пункты нашего тайного соглашения мы выполнили?.. Помню, Юра с Андреем тогда погружались с аквалангами в бухте Карадага, звали и меня, но я, как всегда, вёл какие-то бесконечные творческие встречи...

В 2004-м же году мне пришла в голову мысль сделать литературную интернет-афишу по примеру афиши, которая была у бардов — Всемирной Бардафиши. И я создал такую группу в Живом Журнале, где тогда вели литературную жизнь все активные в сети поэты. Кстати, регистрация в ЖЖ изначально была ограниченной и нужна была рекомендация участника соцсети для допуска нового члена. Именно Новиков в апреле 2003-го и дал мне такую рекомендацию. Моя «Литературная Афиша» в ЖЖ, при поддержке нескольких друзей, просуществовала до 2018 года. Через какое-то время после появления ЖЖ-афиши Новиков назначил мне встречу и сообщил, что хочет сделать сайт «Литературная афиша» и спросил, не против ли я. Как я мог быть против? Андрей вкладывал в проект свои деньги и силы, я же обещал помогать ему, чем смогу.

В 2007-м году поэт и тележурналист тогда, а ныне известный кинорежиссёр и писатель Арсений Гончуков устроил фестиваль «Литератерра» в своём родном Нижнем Новгороде. Программу и список гостей мы с ним формировали вместе. Естественно, был приглашён и Новиков. Мы жили с Андреем в одном номере в загородном пансионате, вместе с ним и Ольгой Ермолаевой гуляли по заснеженному морозному Нижнему, заходили погреться в кафе возле кремля, я купил на уличном базаре самодельного слоника, сплетённого из местной лозы, и тот молчаливо и многозначительно стоял на столике рядом с нашими рюмками коньяка. Казалось, всё у нас тогда ещё только начиналось...

Пару раз я был в Минске на фестивале «Порядок слов», который проводил Андрей с небольшим перерывом с 2006-го по 2010-й год. Помню эпическую поездку в поезде с Ильёй Леленковым в 2008-м. Мы не хотели тратить время на сон и разговаривали, разговаривали... Утром на вокзале белорусской столицы нас должен был встретить Андрей. Мы вышли на перрон, но Андрея не было. Мы набрали его номер, но он был недоступен. У нас не было адреса, по которому он собирался нас поселить. Мы были одни на всей земле. И мы взяли в вокзальном буфете шампанского и пластиковые стаканчики, вышли на улицу и стали любоваться Минском. К концу второй бутылки внезапно появился Андрей и повёз нас на снятую им квартиру. Минск был прекрасен, а Андрей выглядел каким-то потерянным... Он и правда потерял к концу фестиваля свои документы, деньги и билеты, и мы решали, как его переправить обратно в Россию...

Вначале наша дружба была чисто литературная. Мы встречались, обсуждали совместные дела и строили планы, выпивали в достаточно широком кругу, но не дружили семьями. У Андрея с его тогдашней женой Леной Гончаровой были другие музыкальные увлечения, а я был увлечён на тот момент авторской песней,

которую Андрей, по его словам, ненавидел. Ирония судьбы оказалась в том, что на одной из самых лучших своих фотографий Андрей играет на гитаре какую-то смешную пионерлагерную песню. На моей памяти он делал это только однажды. Но было это и правда очень смешно. Мы просили спеть её на бис раз пять.

Кризис у Андрея лично для меня начался неожиданно. Он производил впечатление успешного, состоявшегося человека, уверенного в себе. Он ездил в рабочие командировки по разным городам и за пределы России, используя их для знакомства и общения с сетевыми коллегами-литераторами, обмена книгами, презентации наших литературных проектов. Но при слиянии его фирмы с новыми партнёрами произошла какая-то неприятность, которая вынудила Андрея уйти с работы...

Наша дружба переросла в близкие дружеские отношения, когда Андрей потерял работу, машину, семью, квартиру (взятую в ипотеку), и судьба его стала рассыпаться как детские кубики... В такие моменты нужно, чтобы рядом был человек, который мог выслушать. Уверен, что я был не единственным слушателем. Но я старался помочь. Искал ему работу и нашёл её в издательстве «Арт Хаус медиа».

Однажды он вдруг заговорил, что хочет переехать в Сербию, открыть там офис и работать, используя старые связи. Он буквально кричал от энтузиазма: «Представляешь, там все ездят пьяными! Выпивают и садятся за руль! Это же классно!» Он был настолько убедителен, что мне показалось, будто он переезжает прямо завтра. И я растерянно спросил у него: «Андрюха, а как же мы тут будем без тебя?!» Я реально не понимал, как мы будем жить без его энергии, обаяния, заразительного смеха и внутренней силы. Сейчас я думаю, что лучше бы он тогда уехал.

Однажды Андрей поинтересовался у меня, с кем ему можно было бы посотрудничать по вопросу продажи книг в Казани. И я порекомендовал ему обратиться к Лилии Газизовой из местного союза писателей. Мне и в голову не приходило тогда, чем это может закончиться. А через некоторое время мне позвонил весёлый Андрей и сказал: «Благослови нас! Мы хотим пожениться!» — «Кого?» — поинтересовался я. «Меня и Лилю!» Новость была неожиданной, но я нашёлся: «Только если вы будете жить в одном городе!» Андрей ожидал совсем другого, расстроился и, крикнув «Да пошёл ты!», бросил трубку. Лилия и Андрей всё-таки поженились и жили на два города.

...Последние годы Андрея были трудными. Проблемы с работой, с алкоголем, с семьёй. Наверно, именно в таком порядке. Он ездил в Казань к новой жене Лиле Газизовой. Иногда физически не мог доехать. Терял билеты, терялся сам. Его снимали с поезда, отправляли в больницу. Ему пытались помочь друзья, оплачивали курс лечения, но он выплёвывал таблетки, сбегал из больницы, пренебрегал рекомендациями врачей. Потом звонил, просил занять денег, спускал их на алкоголь и снова пропадал... Он мог пропадать на недели. Когда заканчивалась чёрная полоса, звонил как ни в чём не бывало: «Андрюха, мне нужны телефоны того, того и того. У меня телефон умер». Я понимал, что он его потерял. Но — и меня это поражало! — он помнил всё, что было до начала «смутного времени»,

начинал разговор буквально с той темы, на которой закончили последний деловой разговор. Из-за этих Андриюхиных провалов порушилось много планов, но главное — жизнь Андрея неуклонно катилась вниз...

Я часто вспоминаю, как во время одного из просветлений Андрея мы гуляли с ним по Тверскому бульвару, обсуждали дела, личную жизнь и современную поэзию. Дышалось свежо и легко — была то ли ранняя весна, то ли ранняя осень. И мне кажется, там, где встречаются родственные души, мы снова пойдём с ним по небесному Тверскому бульвару, попивая лёгкое пиво и перебрасываясь цитатами из любимых поэтов...

Последний этаж

В марте 2014 года мы проводили учредительное собрание Клуба кураторов региональных фестивалей России. Я был погружён в этот процесс с головой. Андрей периодически звонил, но был не в форме. Интересовался, можно ли поучаствовать в собрании. Я просил его быть для этого в рабочем состоянии. Он не пришёл на это собрание. Как оказалось, он вообще именно в эти дни пропал. Его искали долго, почти полтора месяца. Мать написала заявление в полицию по месту жительства. Я просил помочь в поисках Андрея следователя МУРа. Его жена Лиля Газизова обратилась вначале в полицию, а потом к частному детективу. Именно частный детектив и обнаружил следы Андрея... Его похоронили как неопознанного в могиле без имени на огромном Перепечинском кладбище Москвы. Позже я обнаружил в интернете запись последних секунд жизни Андрея. Эту запись сделал на телефон случайный прохожий, увидев, как мужчина проваливается под лёд на Чистых прудах. Эту запись, оказывается, даже показывали в новостях по телевидению, но никому не пришло в голову, что на страшных кадрах наш Андрей... Безымянную могилу Андрея нашли Лиля и Саша Переверзин. Мать настояла на перезахоронении сына в Дзержинске, забрала гроб с останками чуть ли не шантажом.

На перезахоронении, кроме родственников, были только мы с Володей Пимоновым. Мать Андрея заказала большой, тяжёлый деревянный крест на могилу сына. И когда мужчины подняли гроб на плечи, оказалось, что крест нести некому. Тогда я взял его и понёс. Тяжеленный могильный крест, Андриюхин крест. Он мне его как бы передал, крест свой. Так я это понял тогда.

Андрей был завоевателем. Он завоёвывал города, женщин, поэзию. Он был очень упрям во всём, что ему было интересно. Он умел любить литературу и людей, ею занимающихся. Он умел любить жизнь, и очень многое успел сделать за свои сорок лет. С его гибелью закончилась огромная эпоха под названием «сетевая поэзия». Во многом благодаря ему сетевая поэзия стала современной. Он был её лидером, и он стал её последним рыцарем.